

СЕМИОТИКА ОШИБКИ: ВВЕДЕНИЕ В ЗАБЛУЖДЕНИЕ КАК ПРИЕМ

У слова *ошибка* можно различить два смысла:

- 1) *он ошибся* = ‘он совершил неправильное действие’ (*Он предпочёл сделать выбор в пользу хоккея, и не ошибся*);
- 2) *он ошибается* = ‘он имеет неправильное мнение’ (*Нет, вы ошибаетесь, друг дорогой*).

Речь будет идти только об ошибке во втором смысле, т.е. о **заблуждении**: о роли заблуждения в структуре нарратива. А именно, о возможностях введения в заблуждение, предоставляемых разными повествовательными формами.

1. Говорящий и наблюдатель. Режимы интерпретации

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ ФОРМА (термин встречается еще у Эйхенбаума) – одно из основополагающих понятий теории нарратива. Различаются, прежде всего, три основных формы:

- повествование от 1-го лица (*Ich-Erzählung*), как в «Капитанской дочке» Пушкина;
- классический нарратив, т.е. повествование в 3-м лице, как в «Пиковой даме»;
- свободный косвенный дискурс, т.е. дискурс с преобладанием несобственной прямой речи – как у позднего Чехова (например, в рассказе «Невеста»).

Есть и другие формы – некоторые из них можно объединить под названием модернизм; но о них позднее. Трех основным повествовательным формам можно дать определение в лингвистических терминах, см. [Падучева 1996: 199–219].

Начать надо с понятия эгоцентрический элемент. Язык устроен так, как если бы он был предназначен для общения в условиях КАНОНИЧЕСКОЙ коммуникативной ситуации [Lyons 1977: 637], когда есть говорящий и слушающий, которые связаны единством места и времени; имеют общее поле зрения; могут видеть друг друга и жесты друг друга, и т.д. А именно, семантика многих слов, категорий и конструкций предполагает говорящего. Слова и категории, семантика которых предполагает говорящего (или какого-то его заместителя), – это ЭГОЦЕНТРИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ, или ЭГОЦЕНТРИКИ (ср. термин Бертрона Рассела *egocentric particulars*).

Нарратив предполагает НЕКАНОНИЧЕСКУЮ коммуникативную ситуацию, в которой нет подлинного говорящего как субъекта речи с синхронным слушающим; в частности, в ней нет момента речи – основополагающего понятия для языков с категорией времени, нет общего поля зрения.

Этим разным контекстам соответствуют разные РЕЖИМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ эгоцентрических элементов. Различаются РЕЧЕВОЙ режим и НАРРАТИВНЫЙ.

Говорящий может присутствовать в семантике языковых единиц в разных ипостасях. Прежде всего – как субъект РЕЧИ, т.е. создатель высказывания и Агенса соответствующего речевого действия, со всеми эпистемическими и прочими обязательствами, которые накладывает это действие на исполнителя; со всеми предположениями, сожалениями, пожеланиями, упреками и проч., которые в нем выражаются. А кроме того, говорящий может быть представлен в тексте как субъект ДЕЙКСИСА, субъект ВОСПРИЯТИЯ, субъект СОЗНАНИЯ (т.е. модальности, мнения, оценки, эмоции, и под.).

Эгоцентриками являются: дейктические слова (типа *я, ты, здесь, сейчас, тут, там, этот, тот, вон, вот*), дейктические грамматические категории (такие как вид и время); показатели неопределенности; субъективной модальности (в частности, вводные слова и предложения, типа *к сожалению*); оценочные слова и экспрессивы разного рода; иллокутивные и метатекстовые показатели (*Она таки блондинка*), типа

разве и *неужели* или *по правде говоря*; диалогические реакции (*Да, Нет, в самом деле*), и т.д. Эгоцентрик предполагает присутствие в ситуации субъекта, который в поверхностной структуре может быть и не выражен. В первом приближении этим субъектом является говорящий.

Однако если приглядеться, то оказывается, что некоторые эгоцентрики действительно требуют именно говорящего, а для других это может быть как говорящий, так и другое лицо. Так что эгоцентрики бывают ПЕРВИЧНЫЕ и ВТОРИЧНЫЕ. Первичные – это с о б с т в е н н о эгоцентрики, т.е. слова и категории, которые полностью реализуют свой смысл только в условиях канонической речевой ситуации и ориентируются всегда **только** на полноценного говорящего; вторичные могут быть ориентированы не только на говорящего, но также и на другое лицо. Например, местоимение *какой-то* – вторичный эгоцентрик; оно предполагает субъекта неопределенности-незнания; в (1а) этим субъектом является говорящий, в (1б) – подлежащее 3 лица, Маша:

(1) а. Она хочет спеть *какую-то* песню = ‘я не знаю, какую’ [*какую-то* ориентировано на говорящего, который является субъектом неопределенности-незнания];

б. Маша видела на столе *какую-то* записку [субъект незнания – Маша].

Глаголы *показаться* (*показался всадник*), *послышаться*, *раздаться* хотя и могут быть в каком-то контексте ориентированы на говорящего, но в принципе предполагают не говорящего, а Наблюдателя (субъекта восприятия) – роль которого может выполнять как говорящий, так и другое лицо:

(2) а. На дороге *показался* всадник [субъект восприятия, предположительно, Говорящий];

б. Иван шел к морю. Вдруг на дороге *показался* всадник [субъект восприятия, предположительно, Иван].

О фигуре Наблюдателя см. [Апресян 1986].

Глаголы *кривляться*, *ломаться*, *умудриться* предполагают субъекта оценки; прилагательные и наречия *ясно*, *грустно*, *досадно*, *надо* – субъекта сознания; *здесь*, *сейчас* – субъекта дейксиса. Подразумеваемый субъект вторичного эгоцентрика – это либо Наблюдатель, либо Субъект сознания. Слова, семантика которых предполагает субъекта речи (такие, как *кстати*, *например*), являются первичными эгоцентриками: они всегда ориентированы на говорящего.

Различив первичные и вторичные эгоцентрики, мы можем дать лингвистическое определение основным повествовательным формам.

Вторичный эгоцентрик не является диагностическим: он допустим во всех повествовательных формах, и во всех допускает обе интерпретации – и персональную, и повествовательную.

(3) а. Нет! Мастер ошибался, когда говорил Иванушке в больнице в тот час, когда ночь перевалилась через полночь, что она позабыла его. Она его, *конечно*, не забыла; [субъект уверенности – повествователь, который знает, как было дело]

б. Она сделала все, чтобы разузнать что-нибудь о нем, и, *конечно*, не разузнала ровно ничего. [пессимизм может принадлежать и Маргарите]

Чаще, все-таки, субъект уверенности – персонаж. Субъектом незнания тоже чаще бывает персонаж, чем повествователь, см. в [Падучева 1997] о незнающем повествователе как специальной особенности нарратива Гоголя и Набокова.

Первичный эгоцентрик требует канонической речевой ситуации и полноценного говорящего и в контексте классического нарратива

а) либо не употребляется (*вон там*),

б) либо имеет другой смысл (*Вот пошел Иван в лес*),

в) либо выводит за пределы диегетического пространства текста, выявляя внеположного этому пространству повествователя (как говорит В.В.Виноградов по поводу фразы *В самом деле, уж рассветало* из 1-й главы «Пиковой дамы», «В конце первой главы происходит открытое сошествие автора в изображаемый им мир»).

г) либо это несобственная прямая речь (НПР): первичные эгоцентрики оказываются в распоряжении персонажа 3 лица:

(4) Князю *бы не хотелось* расставаться с этим крестом. [ср. *Мне бы не хотелось*]

(5) *Опять* новая странность! Он подумал, поднялся наверх и выставил ему напоказ свой крест, не снимая его с шеи. [*опять* – потому что до этого было: Картина Гольбейна, вопрос Рогожина: *Веруешь ли ты в бога?* И реплика князя *Как ты странно спрашиваешь и ... глядишь!*] (Достоевский. Идиот)

Итак, деление эгоцентриков на первичные и вторичные позволяет различить традиционный нарратив и свободный косвенный дискурс (СКД). Свободный косвенный дискурс – это повествование от 3 лица с большой долей несобственной прямой речи, т.е. с наличием первичных эгоцентриков с персональной интерпретацией – и, вообще, с преимущественно персональной интерпретацией **всех** эгоцентриков.

Главным примером первичного эгоцентрика является грамматическое время. Согласно общепринятым определениям, настоящее время обозначает одновременность моменту речи; прошедшее выражает предшествование, будущее относит событие к некоему последующему моменту. В нарративе время кардинально меняет интерпретацию. Так, форма прош. времени несов. вида, которая в речевом режиме обозначает предшествование (моменту речи), в нарративном выражает **с и н х р о н н о с т ь** (текущему моменту текста, т.е. текстовому времени):

(6) а. Кто *сидел* на моем маленьком стульчике и сломал его? (Толстой. Три медведя) [прямая речь; т.е. речевой режим; форма прош. выражает предшествование]

б. Старая графиня*** *сидела* в своей уборной перед зеркалом. Три девушки *околожили* ее. (Пушкин. Пиковая дама) [нарративный режим; прош. время выражает синхронность]

Другой пример:

(7) а. Я вас *любил* [речевой режим; импликатура: ‘сейчас, возможно, нет’];

б. Татьяна <...> *любила* русскую зиму [нарративный режим; ничего такого не подразумевается].

Повествование от 1 лица отличается от третьеличного нарратива (по употреблению эгоцентриков) незначительно. В повествовании от 1 лица свободно употребляются эгоцентрики (в том числе – первичные), ориентированные на субъект речи. Так, оборот *по правде говоря* вполне уместен в (8), где есть *я*; а пример (9) этот оборот заставляет идентифицировать как несобственную прямую речь:

(8) – Я, *по правде говоря*, не понимаю даже, почему ты вдруг уехал. [Анна Берсенева. Полет над разлукой (2003-2005)] (пример из Национального корпуса)

(9) Тане, *пожалуй*, было интереснее общаться с Виталиком, поскольку он склонялся к медицине и у них было больше общих тем, но, *по правде говоря*, в качестве кавалеров её гораздо больше устраивали посторонние мальчики. [Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света] (пример из Национального корпуса)

А первичные эгоцентрики, апеллирующие к времени и месту говорящего, действительные, в повествовании от 1 лица невозможны совершенно так же, как в третьей форме, поскольку у рассказчика и читателя нет общего поля зрения и общего момента речи.

Помимо речевого и нарративного, есть еще гипотаксический контекст и соответствующий ему гипотаксический (в Падучева 1996 – синтаксический) режим интерпретации эгоцентриков. Это понятие позволяет проанализировать пример из [Успенский 1970: 60].

- (10) ... ей так хотелось поскорее, полегче, перелить из себя свое знание в *ребенка*, уже боявшегося, что вот-вот *тетя* рассердится, что она при малейшем невнимании со стороны *мальчика* вздрагивала, торопилась, горячилась, ... (Война и мир).

Здесь основной Субъект сознания – княжна Марья; Б.А.Успенский отмечает номинацию *тетя* восклицательным знаком – в пределах одной фразы двойной переход от одного субъекта сознания к другому: от княжны Марьи к Николеньке и обратно к княжне Марье. В самом деле, обычно Субъект сознания на протяжении какого-то отрезка текста бывает один и тот же. В данном случае дело в том, что это номинация, возникающая в гипотаксическом контексте: субъект номинации *тетя* – это ребенок, боявшийся, «что тетя рассердится». Только поэтому двойная смена Субъекта сознания не означает отклонения от нарративных норм – нарративной неудачи (или сознательного приема, как у Набокова в Даре или в рассказе Дым).

В следующем отрывке из «Анны Карениной» смена ориентира – носителя точки зрения – не столь оправдана (текст разделен на три фрагмента; для каждого фрагмента указан носитель точки зрения):

- (11) [повествователь: Она *тоже* не спала всю ночь и все утро ждала его.] [Кити: Мать и отец были *бесспорно* согласны и счастливы ее счастьем. Она ждала его. Она первая хотела объявить ему свое и его счастье. Она готовилась одна встретить его и радовалась этой мысли, и робела, и стыдилась, и сама не знала, что она сделает. Она слышала его шаги и голос и ждала за дверью, пока уйдет mademoiselle Linon. Mademoiselle Linon ушла.] [повествователь: Она, не думая, не спрашивая себя, как и что, подошла к нему и сделала то, что она сделала.]

Слово *тоже* – эгоцентрик, поскольку пресуппозиция ‘Левин не спал всю ночь’ должна кому-то принадлежать. Она может принадлежать только повествователю, поскольку Кити не может знать про то, как провел ночь Левин. Дальше идет повторное описание сцены с mademoiselle Linon, и повторение оправдано новым носителем точки зрения – теперь это Кити. Но последняя фраза – снова от лица повествователя.

Понятие режима интерпретации возникает на базе введенного Бенвенистом разграничения «плана повествования» и «плана речи», т.е. нарративного текста и речевого дискурса. Однако режим интерпретации – понятие более удобное. Интерпретация эгоцентрика предполагает ориентир, который может меняться. Один и тот же текст **как правило** допускает переходы от одного режима интерпретации к другому, т.е. не принадлежит к какому-то одному плану. Гораздо важнее уметь интерпретировать отдельные эгоцентрики, а не атрибутировать текст в целом как относящийся к тому или иному типу (как в [Шмид 2003]). Ср. два отрывка из рассказа Чехова «Невеста»:

- (12) а. В саду было тихо, прохладно, и темные покойные тени лежали на земле. Слышно было, как где-то *далеко, очень далеко, должно быть*, за городом, кричали лягушки.
Чувствовался май, милый май! Дышалось глубоко и *хотелось* думать, что не здесь, а *где-то* под небом, над деревьями, *далеко* за городом, в полях и лесах, развернулась теперь своя весенняя жизнь, таинственная, прекрасная, богатая и святая, недоступная пониманию слабого, грешного человека. И *хотелось* почему-то плакать.

- б. Она [Надя], высокая, красивая, стройная, казалась теперь рядом с ним [Сашей] очень здоровой и нарядной; она чувствовала это, и ей было жаль его и почему-то неловко.

В (12а) несобственная прямая речь персонажа – Нади; в (12б) точка зрения повествователя на того самого персонажа, который был субъектом сознания в (12а).

Теперь рассмотрим возможности введения в заблуждение – отдельно для каждой из трех повествовательных форм.

2. Повествование от 1 лица

Один из самых общих приемов введения в заблуждение – ЭКИВОК. Имеется в виду ситуация, когда фраза может иметь два значения, и первым приходит в голову не то,

которое соответствует истине, а то, которое почему-либо выгодно говорящему.

Пример 1. Из книги «Письма Льюиса Кэрролла друзьям – детям». Кэрролл, у которого находится в данный момент путевой дневник девочки Эллы М., хочет заставить ее думать, что он передал отрывки из ее дневника в журнал для публикации:

(1) Я надеюсь, ты не будешь особенно сердиться на меня за *отправку* трех небольших отрывков из твоего дневника в редакцию журнала для публикации. Разумеется, я *не сообщил* им подлинных имен действующих лиц <...>. Никаких изменений в названии они *не потребовали*.

Глагол *сердиться* в прош. времени порождает фактивную презумпцию (*сердилась за отправку* предполагает, что отправка имела место). В контексте будущего времени можно понять и так, что отправки не произошло, однако прош. время второго и третьего предложения подтверждает презумптивное понимание первого. Understatement во втором и третьем предложении делает их истинными и в контексте, где отправка не имела места.

Пример 2. Конструкция в (2а) допускает понимание с презумпцией ‘я сумасшедший’ и ‘я не сумасшедший’, причем предпочтительно второе; предложение (2б), с *и* перед *я*, имеет презумпцию ‘я сумасшедший’, а предложение (2а), без *и* допускает оба понимания):

(2) а. Он такой же сумасшедший, как я [презумпция: ‘я не сумасшедший’];

б. Он такой же сумасшедший, как и я [презумпция: ‘я сумасшедший’].

Пример 2, как и Пример 1, подробно обсуждаются в [Падучева 1982] в контексте экивоков Льюиса Кэрролла.

Пример 3. Диалог в самом начале повести Чехова «Драма на охоте»:

(3) – Муж убил свою жену.

– Полно врать, Иван Демьяныч.

Через несколько строк читателю становится ясно, что Иван Демьяныч – это попугай, так что он должен отвергнуть свое начальное представление, что речь идет о людях и, соответственно, о высказывании, имеющем истинностное значение.

Пример 4. Из рассказа Пелевина «Ника». Проходит несколько страниц, прежде чем читатель догадается, что героиня рассказа – не женщина, как было бы естественно ожидать, а кошка. Используются амбивалентные предикаты. Впрочем, не вполне ясно, можно ли сказать про кошку, что у нее *по кошачьи гибкое тело*.

Экивок возможен в любой повествовательной форме. Специальным для перволичной формы повествования приемом введения в заблуждение является умолчание. Это случай ненадежного рассказчика. Известный пример – роман Агаты Кристи «Убийство Роджера Акройда».

3. Повествование в 3 лице. Персональная интерпретация эгоцентриков

В рассказах Чехова много несобственной прямой речи. Однако Чехов обычно не доводит читателя до заблуждения: читатель узнает раньше, чем персонаж, что происходит «на самом деле». Т.е. основная функция несобственной прямой речи у Чехова – это ирония (см. рассказы «Каштанка» или «Белолобый»).

Исключением можно считать начало рассказа «Скрипка Ротшильда», где, согласно Е.Эткинду, имеет место «юмористический обман»:

(1) Городок был маленький, хуже деревни, и жили в нем почти одни только старики, которые умирали так редко, что даже *досадно*. В больницу же и в тюремный замок гробов требовалось очень мало. Одним словом, дела были скверные.

Механизм введения в заблуждение (точнее, может быть, в недоумение) основан на

том, что читатель не ожидает персональной интерпретации эгоцентрика *досадно*; а персонаж в данном случае – человек со специфической профессией, гробовщик.

Толстой, как и Чехов, обычно тоже не хочет оставлять читателя в неведении относительно истинного положения вещей (в вымышленном мире текста) – позволяя читателю понять, что это картина, возникающая в сознании персонажа, а не реальная:

- (2) Левин слушал их и ясно видел, что ни этих отчисленных сумм, ни труб, ничего этого не было и что они вовсе не сердились, а что они были все такие добрые, славные люди, и так все это хорошо, мило шло между ними. Никому они не мешали, и всем было приятно. Замечательно было для Левина то, что они все для него нынче были видны насквозь, и по маленьким, прежде незаметным признакам он узнавал душу каждого и ясно видел, что они все были добрые. В особенности его, Левина, они все чрезвычайно любили нынче. Это *видно было* по тому, как они говорили с ним, как *ласково, любовно* смотрели на него даже все незнакомые.

Читателю очевидно, что состояние сознания персонажа не отражает реальности диегетического пространства текста; т.е. Толстой использует НПР не для того, чтобы ввести читателя в заблуждение, а для того, чтобы непосредственно представить ему состояние сознания персонажа. Впрочем, в сцене из «Войны и мира», когда Наташа в опере, неясно, так ли уж расходятся точка зрения повествователя и персонажа:

- (3) мужчины с голыми ногами и женщины с голыми ногами. (Война и мир, часть 5 гл. X)

Большой мастер вводит читателя в заблуждение, конечно, Набоков. См. отрывок из романа «Машенька», который приводится в [Дымарский 2003: 258]:

- (4) *В этой комнате*, где в шестнадцать лет выздоравливал Ганин, и зародилось то счастье, тот женский образ, который, спустя месяц, он встретил наяву. В этом сотворении участвовало все, – и мягкие литографии на стенах, и щебет за окном, и коричневый лик Христа в киоте, и даже фонтанчик умывальника. Зарождавшийся образ стягивал, вбирал всю солнечную прелесть этой комнаты и, конечно, без нее он никогда бы не вырос. В конце концов это было просто юношеское предчувствие, сладкие туманы, но Ганину *теперь* казалось, что никогда такого рода предчувствие не оправдывалось так совершенно. И целый день он переходил из садика в садик, из кафе в кафе, и его воспоминанье непрерывно летело вперед, как апрельские облака по нежному *берлинскому* небу. Люди, сидевшие в кафе, полагали, что у этого человека, так пристально глядящего перед собой, должно быть какое-нибудь глубокое горе, а на улице он в рассеяньи толкал встречных, и раз быстрый автомобиль затормозил и выругался, едва его не задев. (Набоков. Машенька)

По умолчанию *теперь* понимается анафорически, с позиции повествователя: *теперь* = ‘тогда, когда *выздоровливал*’. А на самом деле, *теперь* – это настоящее время персонажа. Время изменилось, и читатель замечает это только по изменению места: пока не доходит до *берлинского неба*, пребывает в заблуждении.

4. Свободный косвенный дискурс I.

Персональная интерпретация вторичных эгоцентриков возможна и в классическом нарративе. Несобственная прямая речь возникает тогда, когда персональную интерпретацию получает первичный эгоцентрик.

В свободном косвенном дискурсе персональную интерпретацию может иметь типичный первичный эгоцентрик – категория **времени**. Прош. время для обозначения текущего положения вещей – это время повествователя; наст. время – время персонажа:

- (1) Напоминание о сыне вдруг вывело Анну из того безвыходного положения, в котором она находилась. Она вспомнила ту, отчасти искреннюю, хотя и много преувеличенную, роль матери, живущей для сына, которую она взяла на себя в последние годы, и с радостью почувствовала, что в том состоянии, в котором она находилась, у ней есть держава, независимая от положения, в которое она станет к мужу и к Вронскому. Эта держава — *был* сын. В какое бы положение она ни стала, она *не может* покинуть сына. Пускай муж

опозорит и выгонит ее, пускай Вронский охладает к ней и продолжает вести свою независимую жизнь (она опять с желчью и упреком подумала о нем), она *не может* оставить сына. У ней *есть* цель жизни. И ей *надо* действовать, действовать, чтоб обеспечить это положение с сыном, чтобы его не отняли у ней. Даже скорее, как можно скорее *надо* действовать, пока его не отняли у ней. Надо взять сына и уехать. Вот одно, что ей *надо* теперь делать. Ей **нужно было** успокоиться и выйти из этого мучительного положения. Мысль о прямом деле, связывавшемся с сыном, о том, чтобы сейчас же уехать с ним куда-нибудь, *дала* ей это успокоение. (Анна Каренина, часть 3, гл. XV)

Время персонажа кончается на фразе *Ей нужно было успокоиться*: прош. время – это уже время повествователя.

Открытием в теории нарратива можно считать обнаружение того факта, что персональную интерпретацию может иметь **утвердительная модальность**. Сам факт наличия субъекта (всегда подразумеваемого) у утвердительной модальности (т.е. индикатива) не был до сих пор предметом внимания. То, что субъект есть, скажем, у оптатива, не вызывает сомнений – естественно, что у желания имеется субъект¹. Нельзя, однако, не признать, что и у утвердительной модальности тоже должен быть субъект: как известно, на утверждающем лежит ответственность за его утверждение – он несет так называемое эпистемическое обязательство (ср. известный парадокс Мура). В традиционном нарративе субъектом эпистемического обязательства, которое входит в семантику индикатива, всегда является говорящий, так что индикатив – первичный эгоцентрик. Между тем в контексте несобственной прямой речи индикатив может оказаться, как и другие первичные эгоцентрики, в распоряжении 3 лица. Пример (из [Tammi 2003]):

(2) He [Frank Churchill] stopped again, rose again, and seemed quite embarrassed. – He was more in love with her than Emma had supposed <...>. (Джейн Остин. Эмма)

Второе предложение этого текста передает впечатление Эммы – которое, как читатель скоро узнает, не соответствует действительности. Способ, которым автор пользуется для того, чтобы ввести читателя в заблуждение, состоит в использовании несобственной прямой речи: субъектом индикатива в данном контексте является не повествователь, а персонаж – который имеет право ошибаться.

В примере (3) тот факт, что текст описывает точку зрения персонажа, а не «объективную реальность», выявляется – на лингвистическом уровне – в последней фразе: предикат ментального состояния *ясно* имеет, по общему правилу о вторичных эгоцентриках, подразумеваемым субъектом персонажа. А тогда все, что читатель поначалу принимал за реальность, является не более чем содержанием сознания того же персонажа. Иными словами, эффект расхождения сказанного с действительностью основан на том, что субъектом индикатива оказывается персонаж (следует отметить, что в последнем предложении можно было бы употребить наст. время – как время персонажа; чего, однако, Толстой не делает):

(3) Никогда еще не проходило дня в ссоре. Нынче это было в первый раз. И это была не ссора. Это было очевидное признание в совершенном охлаждении. Разве можно было так взглянуть на нее, как он взглянул, когда входил в комнату за аттестатом? Посмотреть на нее, видеть, что сердце ее разрывается от отчаянья, и пройти с этим равнодушно-спокойным лицом? Он не то что охладил к ней, но *он ненавидел ее*, потому что *любил другую женщину* – это было *ясно*. (Толстой. Анна Каренина, часть 3, гл. XV)

Итак, утвердительная модальность – это еще один первичный эгоцентрик, который в контексте несобственной прямой речи может поступать в распоряжение

¹ См. в Плунгян 2000: 317 о том, что грамматические показатели модальности описывают, в разных языках, либо точку зрения субъекта, либо говорящего.

персонажа 3 лица, т.е. иметь персональную, а не повествовательную интерпретацию. Идеи ввести читателя в заблуждение у Толстого, скорее всего, нет: слово *ясно* имеет подразумеваемым субъектом Анну; сказано, что это ясно Анне, а не то, что это имеет место «на самом деле». Хотя невнимательный читатель может в этом не разобраться.

Иное дело – пример (4), рассказ Набокова “Подлец”, см. [Tammi 2003]. Читатель не сразу понимает, что речь не идет о событиях в мире текста; что это картина, которая рисуется воображению героя и, увы, не соответствует действительности:

(4) – Но как же так? Нужно на что-то решиться, – тонким голосом сказал Антон Петрович. *Может быть*, есть какой-нибудь выход? Помучили его и довольно. *Да, нужно решиться*. Подозрительный взгляд взъерошенной личности [речь идет об администраторе гостиницы]. Что сказать ей? Ну да, ясно: я иду за вещами, они остались на вокзале. Так. С этой гостиницей он рассчитался навеки. Улица, слава Богу, свободна – Леонтьев подождал и ушел. Как мне пройти на ближайшую остановку трамвая? Ах, идите прямо и вы дойдете до ближайшей остановки трамвая. Нет, лучше автомобиль. Поехали. Улицы становятся опять знакомыми. Спокойно, совсем спокойно он вылез из автомобиля. Он – дома. Пять этажей. Спокойно, совсем спокойно он вошел в переднюю. Но все-таки страшно. Он быстро открыл дверь в гостиную. Ах, какое удивление! <...>

Митюшин и Гнушке бросились к нему, заговорили, перебивая друг друга: "Ну и повезло тебе, Антон Петрович! Представь себе, господин Берг тоже струсил. Нет, не тоже струсил, а просто: струсил. Пока мы ждали тебя в трактире, вошли его секунданты, сообщили, что Берг передумал. <...> Вот как тебе повезло, Антон Петрович! Все, значит, шито-крыто. И ты вышел с честью, а он опозорен навсегда. А главное – твоя жена, узнав об этом, сразу бросила Берга и вернулась к тебе. И ты должен простить ее". (Набоков. “Подлец”)

Свободный косвенный дискурс начинается со слов *может быть*: вопрос к самому себе – это уже несобственная прямая речь. А переход из “реальной” картины в воображаемую происходит после *Да, нужно решиться*.

Итак, СКД предоставляет широкое поприще для введения в заблуждение: это одна из его функций, см. [McNale 1978, Oltean 1993].

5. Свободный косвенный дискурс II. Мир сознания соперничает с реальным

В не-модернистских формах нарратива полифония по Бахтину проявляется в несовпадении сознания героев и повествователя или героев между собой. На подступах к модернизму стоит повествование, в котором мир сознания героя начинает **соперничать** с реальным миром. Идея о том, что мир сознания равен, а иногда и более существен, чем реальный, – одна из главных у Набокова.

Примером может служить рассказ «Возвращение Чорба» (1930). У Чорба умирает от несчастного случая жена – во время свадебного путешествия. Большое горе делает человека и его сознание отдельным, оторванным от мира. Горе заполняет все сознание, и мир в него больше не вмещается. Герой совершает, в обратном направлении, путешествие по тому маршруту, по которому перед этим проехал с женой. Видимо, этим он укрепляет свое счастливое прошлое в своем сознании: «обращает прошедшее в безвременное». Он возвращается в ту гостиницу, где провел с женой первую ночь, и приводит туда проститутку. Родители невесты сталкиваются с ней, входя в номер, и дальше – ничего: Набоков пока не знает, что делать с человеком, который ушел в свое сознание и тем самым перестал значимым образом существовать в реальном мире.

Тот же мотив есть и в «Машеньке»:

Ганин глядел на легкое небо, на сквозную крышу – и уже чувствовал с беспощадной ясностью, что роман его с Машенькой кончился навсегда. Он длился всего четыре дня, – эти четыре дня были быть может счастливейшей порой его жизни. Но теперь он до конца

исчерпал свое воспоминанье, до конца насытился им, и образ Машеньки остался вместе с умирающим старым поэтом там, в доме теней, который сам уже стал воспоминаньем.

Здесь, как и во многих других сочинениях, Набоков утверждает свою веру в приоритет сознания. То, что способность жить в мире своего сознания означает крайнюю степень индивидуализма Набокова, видимо, не смущает. Как говорит Д.Бойд [Бойд 2001: 13], «Набоков ценил освобождающую силу сознания».

С точки зрения грубого материализма, есть реальность, которая, быть может, по-разному отражается в разных сознаниях, но она есть, и остается возможность поставить вопрос о соответствии ментального образа «реальной» действительности. Между тем у Набокова состояние сознания персонажа представлено как более реальная реальность:

В полутьме все показалось очень странным: и шум первых поездов, и эта большая седая тень в кресле, и блеск пролитой воды на полу. И все это было гораздо таинственнее и смутнее той *бессмертной действительности*, которой жил Ганин.

Итак, у реального мира есть соперник – мир сознания. Его прекрасно выражает свободный косвенный дискурс. Есть и второй соперник – мир вымысла. И тут мы переходим к повествовательным формам, которые можно охарактеризовать как модернизм. Если при анализе СКД можно было опираться на данные лингвистики (ср., например, главу о несобственной прямой речи в [Грамматике 1954], то для анализа модернизма лингвистика мало что может дать,

6. Модернизм. Автор как Творец

Модернизм стирает границу между диегетическим и экзегетическим миром (миром персонажей и миром автора): в текст входит Автор как Творец, который определяет ход событий в вымышленном мире на глазах у читателя. В его присутствии читатель не может воспринимать порождаемый мир как реальность. Примером такого нарратива может служить рассказ Набокова «Занятой человек».

Эмиграция, Берлин. Герой, граф Ит, вспоминает свой отроческий сон о том, что ему суждено умереть в 33 года. Весь конец 32-го года своей жизни он живет под тяжестью этой идеи, но наступает день рождения, который он решает отпраздновать. В какой-то момент он открывает окно – на улице перестрелка, беспорядки, шальная пуля просвистела мимо его уха. Ровно в этот момент пришла телеграмма. Ее ждал сосед, странный персонаж, по имени Иван Иванович Энгель, своего рода ангел-хранитель нашего героя. Оказывается, полгода назад Энгель запросил «высшие инстанции» о продлении жизни нашего графа Ит. Телеграмма гласила «Soglassen prodlenie». Надо думать, именно поэтому пуля и просвистела мимо. «Высшие инстанции» – это Творец этого мира, и он же сочинитель текста об этом мире.

Аналогия между творцом вымышленного мира и Творцом (реального мира) явно служит у Набокова предметом насмешки. (Дмитрий Быков в газетной статье начала 2007 года остроумно использовал возможность понимания слов *Согласен продление* в значении ‘продление президентского срока’.)

Между тем, эта идея положена в основу увлекательного романа Яна МакЮена «Искушение» (Jan McEwan. Atonement. 2001). В романе существенно, как предстоит выяснить читателю, его деление на три части. В первой действие происходит в 1935 году. Героиня, 13-летняя девочка по имени Брайони, дает ложное свидетельское показание, из-за которого Робби, благородный молодой человек, в расцвете жизни, сил и чувств, осужден на пять лет тюрьмы. Разрушена и судьба старшей сестры Брайони, Сицилии, – оборван едва начавшийся роман с этим человеком.

Показание Брайони не в точности ложь. Ситуация следующая. Во время праздника, с большим количеством гостей, изнасилована ее кузина, девочка

пятнадцати лет. Первой натывается на кухню, случайно, в саду, темной ночью, в парке, Брайони. Она видит спину уходящего мужчины, но не может ВИДЕТЬ, кто это. Однако она находится в состоянии знания, что это был именно Робби, поскольку имеется целый ряд неадекватно воспринятых или неправильно понятых событий, которые на это указывают: она оказывается свидетелем любовной сцены между Робби и сестрой, которую воспринимает как насилие; она читает записку, написанную Робби, где впервые в жизни видит четырехбуквенное слово; кухня по рассказу об этой записке называет Робби маньяком, что производит на Брайони сильное впечатление. Робби арестовывают. На этом кошмаре кончается первая часть.

Во второй и в третьей части действие происходит в 1940 году, война с Германией, Дюнкерк. Вторая часть – про Робби: отбыв срок, он поступает в армию. Страшные сцены войны. Заканчивается на том, что он ранен и бредит. Третья часть – про Брайони. Она работает сестрой милосердия в госпитале в жестоких условиях. Сицилия, работает в другом госпитале, тоже в Лондоне. Брайони разыскивает сестру (оказывается, что Сицилия и Робби как-то нашли друг друга) и просит у них прощения.

Но тут читателя подстерегает неожиданность: в конце текста 3 части стоит подпись: Б.Т. (Брайони Таллис). И мы понимаем, что то, что мы узнали, – это не реальные события вымышленного мира 1-й части, а мир, вымышленный героиней из вымышленного мира 1-й части.

Дальше идет Эпилог, который описывает состояние на 1999 год. Брайони – писательница. Она объясняет, что счастливый конец, нарисованный во второй части, – это вымысел; что «на самом деле» Робби умер от заражения крови, а Сицилия погибла при взрыве бомбы, так что они никогда больше не встретились; более того, она, Брайони, так и не решилась разыскать сестру и покаяться.

Итак, мы видим новый тип введения в заблуждение, который доступен писателю, нарушающему традиционные границы повествовательных жанров: заблуждение в том, что то, что читатель принимал за реальность, оказывается вымыслом.

Роман называется «Atonement» (*atonement* – искупление; в частности, искупление грехов человечества Христом) в силу отождествления писателя с Творцом. В Эпилоге, когда прошло 59 лет после событий 1-й части, Брайони спрашивает себя:

‘how can a novelist achieve atonement when, with her absolute power of deciding outcomes, she is also God? There is no one, no entity or higher form that she can appeal to, or be reconciled with, or that can forgive her. No atonement for God, or novelists, even if they are atheists. It was always an impossible task <...> The attempt was all’.

7. Истина и заблуждение в науке

Казалось бы, литература описывает вымышленный мир, а наука – реальный. Однако, с одной стороны, у Пушкина был магический кристалл, сквозь который он как бы видел, а не выдумывал мир Евгения Онегина. С другой стороны, наука требует абстрактных понятий, а они существуют не иначе, как в сознании ученого. В.А.Успенский в статье «Апология математики» [Успенский 2007] цитирует Н.Н.Лузина: «По-видимому, натуральный ряд чисел не представляет из себя абсолютно объективного образования. По-видимому, он представляет собой функцию головы того математика, который в данном случае говорит о натуральном ряде». Треугольников и квадратов из геометрии Киселева тем более не существует в реальном мире. Так что разница между наукой и беллетристикой не так уж ясна.

В другой своей статье, «Прогулки с Лотманом и вторичное моделирование» [Успенский 2002: 1187], В.А.Успенский, тщательно изучив документы, касающиеся вступления на царство Николая I, обращает внимание на наличие расхождений в

изложении последовательности действий Николая после получения известия о смерти Александра. По одним свидетельствам он сначала обратился с речью к дворцовым караулам, а потом присягнул в большой церкви дворца императору Константину, а по другим – наоборот, сперва присягнул в церкви, а потом выступил перед гвардией.

Казалось бы, тут можно говорить о том, что реальный порядок событий (которые не могли произойти одновременно) нам **неизвестен**. Однако В.А Успенский предлагает другой взгляд на вещи:

Мы легко соглашаемся с тем, что будущее имеет много вариантов. Нам труднее согласиться с многовариантностью прошлого. Возможно, когда-нибудь **многовариантность прошлого** станет такой же общепризнанной истиной, как сегодня теория относительности.

Неискушенному читателю кажется, что прошлое и будущее и сейчас вполне симметричны: для будущего есть много вариантов, но осуществится один; для прошлого тоже было много вариантов, но осуществился один.

Так или иначе, тут можно видеть намечающуюся тенденцию считать разницу между истиной и заблуждением в науке тоже относительной. Как говорит Ю.И. Левин [Левин 1998: 647], «четкое разграничение И(стина) / Л(ожь) возможно лишь в достаточно узкой сфере».

8. От лингвистики нарратива к лингвистической семантике

Реальный мир и его отражение в сознании – близость этих двух сущностей обнаруживает не только лингвистика нарратива, но и лингвистическая семантика. А именно, я имею в виду тот факт, что естественный язык (примеры из русского языка, но ясно, что это не только русский) склонен не различать несуществование объекта в реальном пространстве и отсутствие его в поле зрения / в сознании наблюдателя.

Имеется регулярная многозначность в лексике – слова типа *быть, появиться, исчезнуть* выражают либо (не)существование в реальном пространстве, либо (не)нахождение в поле зрения / в сознании наблюдателя.

(1) «Честолюбие? Серпуховской? Свет? Двор?» Ни на чем он не мог остановиться. Все это имело смысл прежде, но теперь *ничего этого уже не было*. (Толстой. Анна Каренина)

(2) И теперь, после *исчезновенья Людмилы*, он свободен был слушать его [*его* = голос прошлого] (Набоков. Машенька) [Людмила никуда не исчезла – она просто выпала из сознания Ганина]

Такая же неоднозначность в синтаксисе – в конструкции с генитивом отрицания; генитив субъекта и генитив объекта выражают либо несуществование, либо наблюдаемое / осознаваемое отсутствие:

(3) а. генитив субъекта: *ответа не пришло, желающих не нашлось, не появилось, не возникло*;

б. генитив объекта: *Он не писал этого письма* [глагол создания]; *Майор не слышал этой фразы*; *Я не читал этих книг* [глагол восприятия]; *Я не знаю этой женщины*; *Он не помнил родной матери* [глагол знания]; *Я не получил этого письма*; *Бабушка так и не нашла своих очков* [глагол обладания]; *Он не принес нам своей статьи* [глагол перемещения к наблюдателю].

Иными словами, язык охотно отождествляет существование / несуществование в реальном мире и в сознании наблюдателя. Лингвистика, однако, трактует это отождествление как неоднозначность.

В заключение остается сказать, что, несмотря на нечеткость границ между существованием объекта в реальном пространстве и в сознании или между знанием и

мнением, в современной лингвистике, хотя она и отказалась от фетиша точности 60-х годов, граница между истиной и ложью (или заблуждением) остается принципиальной,

Литература

- Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986. С. 5–33.
- Бойд Бойд Б. Владимир Набоков. Русские годы. Биография. /Пер. с англ. М.: Изд-во Независимая газета; СПб.: Изд-во Симпозиум, 2001.
- Грамматика современного русского литературного языка, т. II. Синтаксис. Часть вторая М.: Наука, 1954.
- Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. На материале русской прозы XIX–XX вв. М.: УРСС, 2001.
- Левин Ю.И. Истина в дискурсе // Ю.И.Левин. Избранные труды. Школа «Языки русской культуры», М. 1998.
- Падучева Е. В. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла. – Семиотика и информатика, вып. 18. 1982, с. 76–119.
- Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Падучева Е.В. Кто же вышел из «Шинели» Гоголя? (о подразумеваемых субъектах неопределенных местоимений) // Известия РАН, 1997 N 2, 20-27.
- Плунгян В. А. Общая морфология. М.: УРСС, 2000.
- Успенский Б.А. Поэтика композиции. М.: Искусство, 1970.
- Успенский В.А. Апология математики. //Новый мир, 2007, № 11, 12.
- Успенский В.А. Труды по нематематике. Т.2. Москва: ОГИ, 2002.
- Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Benveniste E. Les relations de temps dans le verbe français. BSL, t. 54, 1959. Русский перевод: Э.Бенвенист. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
- Lyons J. Semantics. Vol. 1–2. L. etc.: Cambridge Univ. Press, 1977.
- McHale B. Free Indirect Discourse: A Survey of Recent Accounts. PTL: A Journal for descriptive Poetics and Theory of literature 3, 1978, 249—287.
- Oltean 1993 – *Oltean S.* A Survey of the Pragmatic and Referential Functions of Free Indirect Discourse. //Poetics Today 14: 4 (Winter 1993). The Porter Institute for Poetics and Semiotics, 1993.
- Tammi P. Risky business: probing the borderlines of FID. Nabokov's *An affair of honor (Podlec)* as a test case. //Linguistic and literary aspects of free indirect discourse from a typological perspective. Tampere, Tamperen yliopisto taideaineiden laitok, 2003, 41-54.
- P.Tammi, H.Tommola (eds.) Linguistic and literary aspects of free indirect discourse from a typological perspective. FID working papers 1. University of Tampere. Tampere 2003.